

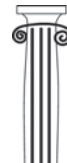
ДИАЛЕКТНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ

ЕЛЕНА КОРОЛЁВА

*Даугавпилский университет
kuznec@dau.lv*

В настоящее время в Латгалии насчитывается самое большое количество староверов из всех проживающих в Балтии. Для данного диалектного социума характерно наличие своей особой картины мира, что находит отражение на всех уровнях языка. Наличие своей особой картины мира связано с историей старообрядцев-беспоповцев (нами анализируется диалектная речь представителей этого толка), с особенностями их языка, культуры и духовной жизни, бытовым и обрядовым поведением и религиозной практикой, а также с древними местами проживания, характером миграций. Этимологическая память языка хранит об этом немало сведений. Представление об особенностях языковой картины мира староверов Латгалии можно получить и на примере идиолекта, так как в идиолекте, как в капле воды, отражается все то, что есть в диалекте. «Квант человеческого знания по-разному вербализуется в разных языках в соответствии с особенностями материальной и духовной культуры, ментальности коллектива говорящих на данном языке, различных лингвистических и прагматических факторов, общепризнанных в данной этнокультуре» (Архангельская 2005, 425).

В связи с интересом к Человеку в настоящее время наблюдается интерес к феномену языковой личности. В немалой степени этот интерес был стимулирован работой Ю. С. Караулова «Русский язык и языковая личность» (Караулов 1987). Языковеды, занимающиеся наблюдением за языком писателей, изучают идиостиль, составляют словари языка писателей. В рамках исследования русской разговорной речи создаются хрестоматии, представляющие речевые портреты, изучается идиолект знаменитых личностей. Речевой портрет писателей с орфоэпических позиций блестяще описан М. В. Пановым (Панов 1990). С социолингвистических позиций групповой речевой портрет интеллигента описал Л. П. Крысин (Крысин 2004, 510–525). Коллективный языковой портрет представителей русского зарубежья первой волны представлен в работах Е. А. Земской и М. Я. Гловинской (Земская, Гловинская 2001). С психолингвистических позиций устная речь взрослых через призму речевой биографии человека, структура дискурса с точки зрения отражения и выражения особенностей языковой личности, модель эволюции коммуникативной компетенции человека представлены в монографии

К. Ф. Седова «Дискурс и личность» (Седов 2004). Модель из пяти субъектных сфер текста, анализируемого с позиций коммуникативной грамматики, представлена в работах школы Г. А. Золотовой (Золотова, Онипенко, Сидорова 2004, 229–251).

Антропоцентризм всегда был присущ работе диалектологов, записывающих в условиях полевой практики конкретных людей. Русские диалектологи, помня мнение А. А. Шахматова о том, что языковая реальность – это только речь индивида (Шахматов 1925, 5), развивают это положение и исходят из предпосылки о том, что диалект формируется на базе речи отдельных сельских жителей, носителей древнего диалекта местного извода. Одними из первых в русистике диалектологи занимаются изучением идиолекта простых крестьян. Подобно Н. В. Гоголю, они рисуют портрет «маленького человека», выходяца из сельской местности. По словам В. Е. Гольдина, русские народные говоры являются речевым воплощением особой традиционной русской деревенской культуры, для которой характерны собственные прецедентные тексты, свои наборы социально-коммуникативных ролей, специфический состав речевых событий и речевых жанров, свои способы трансляции диалекта во времени, своеобразное речевое сознание, свой речевой этикет (Гольдин 2000, 58). Важным этапом, подготовившим развитие этого направления современной русской диалектологии, явилось создание словарей идиолекта В. П. Тимофеева (Тимофеев 1971), Е. Е. Королевой (Королёва 2000), В. Д. Лютиковой (Лютикова 2000), Е. А. Нефедовой (Нефедова 2001). Отличительной чертой перечисленных диалектных лексиконов является исследование женской языковой личности, так как именно женщины считаются хранителями древнего диалекта. Мы в течение последних десяти лет изучаем языковую личность мужчины, чтобы в какой-то мере повлиять на «лингвистическую дискриминацию», наблюдающуюся в отношении мужчины (Архангельская 2005, 425). Статья построена на записях автора, наблюдавшего за речью информанта в диалектологических экспедициях. В работе автор оперирует значениями, устанавливаемыми на основе включенного наблюдения и прямого опроса, компонентного и контекстуального анализа спонтанной речи информанта, записанной в основном на магнитофон. Наш информант, назовем его условно по инициалам СХС, родился в 1929 году в деревне Скрядели, недалеко от поселка Малта Резекненского района Латгалии, находящейся на юго-востоке Латвии.

1. Сельская природа

Как сельский житель СХС хорошо знает окружающую природу, он черпает в ней образы для сравнения. Это образы живой и неживой природы, растительного и животного мира, природный ландшафт: *Мальцы, как сосны, длинные. Сметана постоит, горькая, как осина, Витька отказался исть. Я стал леной, как кот. Шуба полá на полú до пят – назáд идёт, вáленки в руках несёт, только лáпы красные, как в áиста, идёт каб что* (бабушка зимой из бани). *Фитиль накру́тят, в карто́шину вста́вят, и горíт, как вóлчий глаз.* При этом представления городских и сельских жителей могут не совпадать. Так, с

быком у носителей литературного языка связаны представления о здоровом и сильном мужчине, в идиолекте наряду с этим зафиксированы представления о необщительном, угрюмом человеке, овца в литературном языке ассоциируется с робкой женщиной, в идиолекте – с ленивой и глупой женщиной, курица во фразеологии литературного языка может быть мокрой или слепой, слепая курица ассоциируется со слабовидящим человеком, а мокрая курица – с безвольным человеком, в идиолекте курица ассоциируется с чадолюбивой женщиной и с домоседкой: *В его брат тóже такóй был нелюдýмый (нелюдимый), слóва не добóиться, такóй, как бык. Онá как овéчка: поскубáет-поскубáет – ты ж своё полéшь, назáвтра опя́ть вы́растет! Как кúрица, бы́ла – гото́ва всех под кры́ло забрáть. Пойдём в кино́, что ты, как кúрица, сиди́шь, вре́мя свободное.* Словосочетания *глумáя овéчка, молодáя овéчка, нестри́женная овéчка* СХС использует в качестве номинаций с ярко выраженной пейоративной оценкой, фактически как бранные по отношению к глупой женщине.

Бережное отношение к природе типично для сельских жителей. СХС отрицательно относится к массовой вырубке зеленых насаждений в городах и поселках. *Оглодáли, оббы́ли, как Караку́мы, – всё подчистýю: бóудем декоративную сажáть красную берёзу – 15 лет ужé сажáют!* Как видим, для создания иронической и отрицательной тональности всего высказывания используется чужое слово и наименование «чужих земель».

Мир сельской жизни с повседневными крестьянскими заботами отражается в компаративных образах. Современные танцы сравниваются с работой молотилки: *Как пойдúт вы́ламываться, рúки как молотилки – никакóго склáду.*

2. Профессиональная сфера

Речь СХС характеризуется, с одной стороны, сохранением многих архаичных черт, свойственных островным говорам старообрядцев Латгалии, а с другой стороны – использованием просторечных и жаргонно-профессиональных элементов, поскольку он работал в леспромхозе Малты крановщиком и шофером, в колхозе – трактористом и комбайнером. Очень часто встречаются наименования автомобилей и тракторов. Например, название тракторов *колéсник* ‘трактор на колесах’ и *гусáк* ‘гусеничный трактор’ – жаргонно-профессиональная черта. Встречаются в идиолекте и метафоры: *Легковуха Газ-59 – бóбик яю́ всё и звали. А э́та ж могíла – на свáлку тóлько за де́сятку, онá в своё вре́мя да, в ней и телеви́зер, онá тóчно бы́ла утóпленница* (импортная машина, которую пригнали на продажу в Латвию после наводнения в Европе). Интересно, что в рассказах о машинах постоянно присутствует образ телеги и лошади, на уровне подсознания ассоциирующимся с противопоставлением ручного труда машинному. Рассказывая о том, как внук учится водить машину, упоминает пристяжную лошадь: *Я как пристяжной с ним éзжу, а что мне де́лать?* Кроме субституции, СХС создает окказионализмы, легко членимые и хорошо мотивированные, слова *ad hoc*, по терминологии Е. А. Земской (Земская, Китайгородская, Ширяев 1981, 72): *Поéхали на техосмóтр, как поста́вили на*

трясу́чку, она́ вся, как теле́га залескотала (в условиях Евросоюза техосмотр проходят более основательно). Философское отношение к жизни, народное представление о времени отражается в следующей сравнительной конструкции, соотносящей течение жизни с крутящимся колесом телеги: *Эта жизнь так и идёт, как в теле́ге колесо́ кру́тится.*

3. Гендерный аспект

Одной из ярких особенностей речи СХС является использование сравнительных конструкций. Сравнительные конструкции наиболее ярко отражают связь человека с окружающим миром, демонстрируют особенности языковой картины мира диалектоносителя, выступают своеобразными образными интерпретаторами объекта-денотата. В сравнительных конструкциях СХС перед нами предстает мир мужчины. Так, образы кувалды, автогена, сварки, сверла, солдатского пюре, используемые в сравнительных конструкциях нашего информанта, не находятся в сфере интересов женщины, так как женщины не работают кувалдой, не занимаются сваркой и сверлением, не служат в армии: *Голова́ у меня́ как кувалдой отбита́я. Клёны все, как автоге́ном, вы́резан листьё́. Сварил, стал толочь, она́ как солдатское пюре́. Если ты в брак вступил, как сваркой, приварило их. Цёлые пятаки э́тых червяко́в, как сверло́м вы́сверлено.* Профессионал в полном смысле этого слова, СХС высоко оценивает хорошо сделанную работу других: *Бывало́, ма́тка как свя́жет, он, как вли́тый, на ноге́ сиди́т.* В речи СХС широко представлена вариативность: *Носо́к свя́жет, как вольёт в ногу́.* Как видим, синонимом профессионализма, заслуживающего сугубо положительной оценки, является точность. Точность же ассоциируется со звонком, причем в производственной сфере безотносительно ко времени. Это может быть импортная машина, не подверженная коррозии вследствие хорошей антикоррозийной обработки: *С 88 года, а ей нигде ржавчинки нет – как звонок!* Это может быть хорошо подогнанная одежда или обувь: *Тарасий сошьёт сапоги, он, как звонок, и по ножке тебе и всё.* Интересно, что шитье на швейной машинке применительно к игре на гитаре отражает положительные коннотации именно потому, что быстро шить на машинке может только профессионал. Профессионализм в данном случае «побеждает» гендер: *Петров на аккордеоне, а наши так, как на швейной машинке, стренчит, струны подбирает.*

Гендерный подход опирается на гендерные стереотипы – установки о моделях поведения и характеристиках представителей каждого пола (Архангельская 2005, 425). Таких записей в нашем материале совсем немного. Красивую женщину СХС сравнивает с Екатериной Первой, а некрасивую с селёдкой. Это противопоставление зиждется, по-видимому, на типичном для народной эстетики представлении о пышнотелой женщине как эталоне красоты. Полные женщины обладают хорошим здоровьем и могут справиться с многочисленными домашними обязанностями сельской женщины, требующими выносливости и физической силы. Ещё один пример носит цитатный характер. Это высказывание матери информанта, сравнивающей своих невесток: *Смотри́,*

Фрoнька, как клёцка, а ты сдoбхлая такaя, что мы тебя не кoрмим? Корми не корми! Отрицательно оценивается и женщина, не имеющая фигуры: *Такая была несклёпистая, как матрёшка, такая, что сверху, то снизу.* Женщина, как и мужчина, должна быть профессионалом в своей области. *Там невестка – не на что посмотреть, как заяц подстреленный, она то тут устроится, то там устраивается.* Вот типичный пример повседневных забот женщины советской поры во внерабочее время: *Жёнка бежит на обед, надо напоить, перевязать, подоить, гусят, телят накормить – и всё за час.* Кроме того, любовь к красоте, домовитость заставляла женщину заниматься вечером, когда все хлопоты по хозяйству закончены, рукоделием: *Всё сметать, исторкать, сторкать каждую клеточку – проснёшься, кружок (пальцы) на груди, и сама спит.* С женщиной ассоциируется у СХС представление о динамике, активности, неутомимости, и напротив, с глубоким сожалением информант говорит о забитой непосильными заботами современной женщине, сравнивает ее с травленной мухой: *Бывало, женщина летом идёт, она просто дышит, как шьёт на машинке, идёт, она дышит вся, как на пружинах, а сейчас, как муха отравленная, идёт, крылья попустивши. Сейчас идёт, как муха травленная, вечно в суеты, в заботах, в недостатках, в недочётках.* Как видим, характерной чертой идиостиля СХС является амплификация.

Не терпит информант кривлянья, характерного для современных эстрадных певиц: *Другая, как мартышка, высказывает, выпрыгивает, а толку никакого.* Впрочем, плотное телосложение ассоциируется с динамикой, а недоедание приводит к инертности, вялости, потере интереса к жизни: *Раньше девки такие, как сбитые, сейчас, как яблоки, как кожа отставши от мяса, глаза понурили, стивши, сбивши, сголодавши.*

Кроме того, женщина, по представлению СХС, должна быть чадолюбивой. Такая женщина сравнивается с курицей-наседкой, в резекненском говоре такая курица называется детинихой: *Как курица-детиниха, она всех к себе (детей).*

Если женщина сравнивается с ключевым словом «мужской» сферы, то получает резко отрицательную оценку. Например, женщина может сравниваться с жеребцом, она может быстро говорить как из пулемета садить, идти напролом как танк. Все представленные контексты отражают отрицательное отношение к женщине: *Она и ходила-то как жеребёк, не женщина, а...И полиция стоит, она, как с пулемёта, садит. Как задрожали окна: Вера Андреевна, как танк, идёт.*

Идеал мужчины почерпнут из армии. Зная из рассказа СХС о личных качествах этого человека, можно сделать вывод, что главными качествами мужчины являются дисциплинированность, профессионализм, сила воли и наружная привлекательность, проявляющаяся в подтянутости, стройности, хорошей выправке и наличии ухоженной бороды: *У нас подполковник был: борода чуть не до ремня, борода, как лопата, и до того густая, сивоватая, ну, там уж ешь на что посмотреть, а другой, как козёл, и сам стройный, красивый.* Борода – неременный атрибут старовера. Сравнение с козлом тоже не случайно. Козел – нечистое животное, поэтому староверы не держат коз,

не пьют козьего молока. В идиолекте СХС отмечается такая поговорка: *Бог создал три зла: беса, чёрта и козла*. Как видим, козел находится в одном ряду с бесом и чертом, то есть является воплощением нечистой силы.

4. Вероисповедание

Наш информант родился в семье старообрядцев. За годы советской власти семья превратилась в атеистическую, поскольку мать работала учительницей, а отец писарем у подрядчика в Москве. СХС является старообрядцем по рождению и атеистом по убеждению и воспитанию. Неосведомленность в вопросах религии находит отражение в типичных для СХС сравнительных конструкциях: *Знаю, что есь вселенская панафида, да я в этом деле как баран в библии*. Сочетание несочетаемого придает определенную ироническую тональность высказыванию. В речи СХС много отрицательных высказываний, относящихся к религии. *Бьют, как в колокол – все говорят одно и то же*. Будучи атеистом, СХС не любит служителей культа: *Он, как бык турецкий, поёт* (о попе). В данном случае отрицательная коннотация создается представлением о громкости издаваемых быком звуков, отсутствии гармонии (эта индивидуальная особенность СХС: для СХС очень важной является гармония звуков) и усиливается ссылкой на чужое.

СХС – это личность экстравертного типа, открытая для общения, активная в коммуникативном отношении. Психологические особенности склада личности: установка на шутку, склонность к языковой игре, ирония, аналитизм мышления, нигилизм, повышенная эмоциональность – находят отражение в идиолекте. В данной статье мы рассмотрели в основном сравнительные конструкции. Сравнительные конструкции демонстрируют эстетическое отношение диалектоносителей к языку, способность к языковому творчеству, образность и выразительность, а также такие свойства разговорной речи, как экспрессивность и эмоциональность. Представленные компаративные конструкции отражают житейский и профессиональный опыт говорящего, его социальный статус, индивидуальное видение мира, языковой вкус, современную эпоху, национальную принадлежность, а также систему ценностей и языковых предпочтений. За конструкциями, выражающими собственно сравнение, закреплена характеризующая функция, чаще всего – образная, метафорическая. Такие сравнения отражают эстетическую функцию, характерную для диалектной речи и несвойственную другим устным сферам существования национального языка: профессиональным жаргонам, арго, молодежному сленгу, просторечию.

Как видим, эти конструкции отражают значимость таких характеристик говорящей личности, как социальная принадлежность, профессиональная принадлежность, пол, вероисповедание, причем все они оказываются взаимосвязанными.

Литература

- Архангельская А. Красавец-мужчина в чешской языковой картине мира. *Грани слова*. Сб. научных статей к 65-летию проф. В. М. Мокиенко. М., 2005.
- Гольдин В. Е. Внутренняя типология и строение русистики. *Русский язык сегодня*. Вып. 1. М., 2000.
- Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. *Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис*. М., 1981.
- Земская Е. А., Гловинская М. Я. *Язык русского зарубежья*. М., 2001.
- Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. *Коммуникативная грамматика русского языка*. М., 2004.
- Караулов Ю. С. *Русский язык и языковая личность*. М., 1987.
- Королёва Е. Е. *Диалектный словарь одной семьи (Пыталовский район Псковской области)*. Ч. 1–2. Daugavpils, 2000.
- Крысин Л. П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета. *Русское слово, своё и чужое. Исследования по современному русскому языку и социолингвистике*. М., 2004.
- Лютикова В. Д. *Словарь диалектной личности*. Тюмень, 2000.
- Нефедова Е. А. *Экспрессивный словарь диалектной личности*. М., 2001.
- Панов М. В. *История русского литературного произношения XIII–XX вв.* М., 1990.
- Седов К. Ф. *Дискурс и личность. Эволюция коммуникативной компетенции*. М., 2004.
- Тимофеев В. П. *Диалектный словарь личности. 2792 словарные единицы*. Шадринск, 1971.
- Шахматов А. А. *Очерк современного русского литературного языка*. Л., 1925.

Jelena Koroliova

TARMĒS KALBINĒ ASMENYBĒ

Santrauka

Remiantis palyginamosiomis konstrukcijomis straipsnyje analizuojamos eilinio rusų kalbos tarmės Latvijoje atstovo idiolekto ypatybės. Autorė 10 metų užrašinėjo informanto kalbą. Informantas yra sentikių, gyvenančių kompaktiškoje grupėje nuo 17 amžiaus po 1666 metų stačiatikių bažnyčios skilimo, atstovas. Jis yra sentikis savo kilme, bet ateistas įsitikinimais. Tačiau jo kalba nenorom išduoda jį esant sentiki. Tai vyresnės kartos atstovas, visą amžių pragyvenęs toje pačioje vietoje, jam 78 metai. Informanto kalboje susijungia tarminiai archaizmai, prastakalbės ir profesinio žargonu elementai. Tai paaiškinama tuo, kad jis visą gyvenimą dirbo kranininku, vairuotoju, traktorininku ir kombainininku. Straipsnyje analizuojamos keturios sferos, atspindinčios asmenybės socialinį statusą: kaimo gamta, profesinė sfera, lyties ir religinis aspektai. Šios sferos atspindi informanto biografiją, lyties šnekos ypatybes, specifinį kaimo gyventojų pasaulėvaizdį. Idiolekte atspindėtas kalbos pasaulėvaizdis daug kuo skiriasi nuo pasaulėvaizdžio, būdingo bendrinės kalbos atstovui.

